

Потапенко Игнатий Николаевич

Один: Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И26

И26 **Игнатий Николаевич П.**
Один: Роман / Потапенко Игнатий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 471 с.

ISBN 978-5-519-79271-4

ISBN 978-5-519-79271-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Но въ большомъ каменномъ домѣ положеніе дѣлъ было таково, что приходилось дорожить временемъ. Если бы кому-нибудь пришлось взглянуть со стороны на то, что дѣлалось въ этомъ домѣ, то онъ подумалъ бы, что здѣсь всѣ вдругъ потеряли рассудокъ, растерялись или задались цѣлью рѣшительно во всемъ мѣшать другъ другу. Всѣ бѣгали изъ угла въ уголъ, сталкивались, восклицали и показывали кулаки дождю, который спокойно и величественно лилъ, какъ изъ ведра. Это были преимущественно женщины. Въ обычное время, среди нихъ можно было легко отличить господъ отъ слугъ, какъ по костюмамъ, такъ и по манерамъ. Теперь же все это смѣшалось, одѣвшись во что попало и слившись въ одномъ чувствѣ протеста и негодованія противъ стихій.

Въ кабинетѣ, большія квадратныя окна котораго выходили въ садъ, былъ полумракъ сумерокъ, сгущенныхъ непрогляднымъ дождемъ. Въ большой комнатѣ было много мѣста для того, чтобъ высокій, слегка сутуловатый человѣкъ въ жилетѣ, безъ сюртука, могъ свободно шагать изъ угла въ уголъ. Большіе шаги его длинныхъ тонкихъ ногъ свидѣтельствовали о крайне напряженномъ состояніи его духа. Его продолговатое лицо съ давно нестриженной бородой, съ выдавшимися скулами и впалыми щеками, съ большимъ выпуклымъ лбомъ выражало мучительное безпокойство. Большія вѣки темныхъ блестящихъ глазъ быстро мигали и шурились. Изрѣдка онъ нервно хваталъ кусокъ своей бороды и начиналъ кусать ее зубами. Казалось, онъ рѣшалъ какую-то жгучую задачу, съ которой надо было покончить въ двѣ минуты, иначе все погибло. Но вотъ онъ распахнулъ дверь, выбѣжалъ въ длинный корридоръ, затѣмъ на деревянное крыльцо, быстро сбѣжалъ по ступенькамъ и, предоставляя дождю безпощадно обливать его со всѣхъ сторонъ, остановился среди двора. Взоръ его былъ устремленъ въ ту сторону, гдѣ стояла конюшня, но конюшни онъ не видѣлъ, отдѣленный отъ нея сплошной массой воды, лившейся съ неба.

— Терентій! Эй! Гдѣ ты тамъ, чортъ!.. Ну! воскликнулъ онъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ, потрясая при этомъ сжатыми кулаками, словно Терентій нуженъ былъ ему именно для того, чтобы дать волю этимъ кулакамъ.

— Ту-утъ! — слышалось точно изъ могилы.

— Запрыгай, идиотъ!

На это отвѣта не было. И потому высокій человѣкъ двинулся дальше и, сдѣлавъ шаговъ двадцать, очутился лицомъ къ лицу съ плотно запертой дверью конюшни. Онъ рванулъ одну по-

ловинку двери и вошелъ. Въ конюшнѣ было совершенно темно. Изрѣдка раздавался мѣрный спокойный ударъ конскаго копыта о досчатую настилку. Ароматъ еще свѣжаго сѣна смѣшивался съ запахомъ конскаго навоза и дыма махорки. Въ темномъ углу что-то зашевелилось и блуждающій огонекъ описалъ нѣсколько безпокойныхъ, неправильныхъ линій. То была трубка Терентія, которую онъ держалъ въ зубахъ.

— Онъ спитъ, подлецъ!—прорычалъ высокій человѣкъ.—Запрягай же... живо... въ городъ...

— Въ городъ?—недовѣрчиво прозвучалъ хриплый голосъ Терентія, и при этомъ, такъ какъ Терентій въ это время потянулъ изъ трубки, огонекъ раздулся и освѣтилъ темное лицо кучера, напоминавшее запущенный пустырь, безпорядочно поросшій всякой дрянью.—Въ городъ,—продолжалъ прежнимъ тономъ Терентій.—Рѣчка разлилась...

— Шевелись, скотина... Разсуждаетъ... Фонарь зажги... Гдѣ хомуты?... О, подлецы!

По тону и по энергичнымъ выраженіямъ длиннаго человѣка, повидимому ему несвойственнымъ, Терентій заключилъ, что въ домѣ что-то такое произошло.

— Да зажги же фонарь, мурло ты этакое!

Но Терентій уже болѣе не нуждался въ поощреніи. Блуждающій огонекъ какъ-то самъ собою потухъ,—должно быть Терентій, рискуя сдѣлать пожаръ, торопливо сунулъ трубку куда-нибудь подъ подушку,—и, до этой минуты неповоротливый лѣнтяй, превратился въ быстрого исполнителя хозяйскихъ приказаній. Засвѣтился фонарь слабымъ мигающимъ огонькомъ. Въ верху сарая, подъ камышевой крышей, произошло движеніе,—тамъ ласточки, давнія обитательницы конюшни, заволновались; лошади, до сихъ поръ мирно жевавшія свѣжее сѣно, котораго было вдоволь наложено въ ясли, вопросительно повернули морды въ сторону и тревожно повели ушами, какъ бы стараясь вникнуть въ смыслъ всего происходящаго. При тускломъ свѣтѣ фонаря едва-едва обозначались очертанія висѣвшихъ на стѣнѣ предметовъ: хомутовъ, сѣделки, шлеи, какихъ-то желѣзныхъ щетокъ, предназначенныхъ, какъ могло показаться, для раздиранія лошадиной шкуры, а въ углу, въ полумракѣ, нары, покрытыя дырявымъ ряденцемъ, съ какимъ-то безформеннымъ возвышеніемъ въ изголовьи. Надъ парами уныло висѣлъ кафтанъ—кучерской атрибутъ Терентія; самъ же Терентій съ фонаремъ въ рукѣ стремительно ринулся къ лошадямъ и совсѣмъ нелюбезно тащилъ ихъ за уздцы. Это былъ небольшого

роста человекъ, широкоплечій, коренастый, съ смуглымъ лицомъ, обросшимъ густыми жесткими волосами. Весь его костюмъ состоялъ изъ бѣлой холщевой рубахи, порядкомъ заношенной, и широчайшихъ нанковыхъ шароваръ. Большіе высокіе сапоги стояли у наръ, а ноги его были босы.

Пока Терентій энергичными жестами убѣждалъ лошадей оторваться отъ яслей, что было нелегко сдѣлать, такъ какъ предстоящая прогулка въ городъ, о которой онѣ тотчасъ-же догадались, въ такую скверную погоду, не могла имъ нравиться, длинный человекъ торопливо снималъ со стѣны хомуты и набрасывалъ ихъ на лошадей. Терентій уже не спрашивалъ—что и зачѣмъ, а выводилъ лошадей, подвязывалъ имъ хвосты, запрягалъ ихъ уже совсѣмъ мокрыхъ, въ пролетку, стоявшую въ другомъ сараѣ. И только когда все было готово, когда кучерской кастанъ со стѣны надъ нарами перешелъ на его плечи, а большіе сапоги на ноги, онъ спросилъ:

— А зачѣмъ ѣхать-то?

— Къ Степану Ѳедоровичу, къ доктору, болванъ! Скажи, просить сейчасъ, сію минуту... скажи Катерина Ивановна... понимаешь, идиотъ?.. Съ минуты на минуту!.. Понялъ?..

Понялъ ли Терентій въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ дѣло или только прикинулся понимающимъ, но онъ кивнулъ головой, вывелъ лошадей вмѣстѣ съ экипажемъ изъ сарая, побѣжалъ раскрыть ворота, влѣзъ на кучерское мѣсто, погналъ лошадей и въ тотъ же мигъ скрылся въ дождѣ, словно поглощенный водянымъ столбомъ или растаявшій въ немъ. Длинный человекъ пошелъ въ домъ, опять прошелъ въ кабинетъ и, не обращая вниманія на то, что онъ былъ весь мокры и съ одежды его стекала вода, нервно сѣлъ на диванъ и почему то обѣими руками закрылъ уши, какъ будто какіе-нибудь сторонніе звуки мучили его. Но чрезъ нѣсколько секундъ онъ поднялся, опять вышелъ изъ кабинета, прошелъ рядъ комнатъ и, остановившись передъ закрытой дверью, сталъ прислушиваться. Ему показалось, что тамъ, за дверью, все тихо. Тогда онъ осторожно, на цыпочкахъ, вернулся къ себѣ и, какъ бы успокоенный или въ конецъ изнеможенный, сѣлъ въ кресло передъ столомъ и застылъ неподвижно съ выраженіемъ человека, рѣшившагося допустить событіямъ идти, какъ предназначено судьбой. А дождь лилъ безъ отдыха; вѣтеръ расшатывалъ деревья въ саду, сбивая съ нихъ послѣдніе листья. Въ сосѣднихъ комнатахъ происходило торопливое движеніе, но онъ уже не обращалъ на него вниманія, какъ-то невольно подавшись нервной

усталости, словно все то, что его до сихъ поръ волновало, вдругъ потеряло для него всякій интересъ.

Часа два просидѣлъ онъ такимъ образомъ, а между тѣмъ, въ это-то самое время и произошло событіе, которое въ жизни героя этой повѣсти имѣло роковое значеніе. Былъ моментъ, когда движеніе въ домѣ сдѣлалось необычайнымъ, а затѣмъ наступилъ другой моментъ, когда оно вдругъ какъ бы замерло. Тогда на порогъ кабинета появилась высокая фигура женщины, тонкая, съ сухощавымъ, выцвѣтшимъ лицомъ, и почти надъ головой погруженного въ забытѣе длиннаго человѣка тихо прозвучали слова:

— Дмитрій, Дмитрій Андреевичъ...

— Ну,—произнесъ онъ, нервно вздрогнувъ и весь встрепенувшись.

— Кончилось.

— Что ты? Возможно ли!.. А доктора нѣтъ... Благополучно?—отрывисто спросилъ онъ, вскочивъ съ мѣста.

— Богъ знаетъ, — какъ-то загадочно произнесла худощавая женщина.

Дмитрій Андреевичъ двинулся было къ двери, но она съ силой удержала его за рукавъ.

— Помилуй, возможно ли! Теперь покой нуженъ. И ты еще весь мокрый. Почему ты мокрый?

Онъ какъ бы произвольно опять сѣлъ въ кресло и молчалъ.

— Сынъ-то здоровый...

— Сынъ,—повторилъ онъ за нею.

— А она... страдала очень.

— Бѣдняжка,—прошепталъ онъ,—а я то виноватъ... виноватъ передъ нею! Чтò же докторъ не ѣдетъ?

— Переодѣнься... Пожалуй, просто ду схватишь.

Но тутъ они оба тревожно насторожили уши и стали прислушиваться. Дождь ослабѣлъ, въ окно уже можно было разглядѣть цѣлый рядъ обнаженныхъ деревьевъ; сплошная туча, закрывавшая небо, кое-гдѣ разорвалась и въ тѣхъ мѣстахъ уже проглядывала синева неба. Со двора послышался гулъ, и имъ обоимъ стало ясно, что Терентій вернулся изъ города. Потомъ въ передней послышались шаги, и они оба поняли, что это докторъ, и именно Степанъ Ѳедоровичъ и никто другой. Худощавая женщина пошла ему навстрѣчу и куда-то увела, а Дмитрій Андреевичъ остался въ дверяхъ, провожая ихъ взглядомъ, который какъ бы говорилъ: ради Бога, сдѣлайте все, чтò можно,—я такъ виноватъ передъ нею.

II.

Описывая по порядку дальнѣйшія событія, мы должны еще прибавить, что докторъ Степанъ Ѳедоровичъ ѣздилъ потомъ въ поселокъ каждый день, затѣмъ началъ ѣздить два раза въ день, и, наконецъ, былъ такой случай, что онъ, бросивъ всю свою практику, просидѣлъ тамъ съ утра до утра слѣдующаго дня. И въ этотъ именно разъ, когда, еще до восхода солнца, онъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ лежала больная, въ залу, то походка у него была неровная, и Дмитрій Андреевичъ, по обыкновенію, нервно шагавшій по кабинету, увидѣвъ его, понялъ все и какъ бы остолбенѣлъ. Ничего болѣе не спрашивая, онъ пропустилъ доктора мимо себя въ кабинетъ, а самъ пробѣжалъ черезъ залу и, быстро распахнувъ дверь, очутился въ квадратной комнатѣ, съ окнами, завѣшанными синеватыми шторами, съ уставленнымъ иконами угольникомъ, на которомъ слабо теплилась лампада. Широкая кровать, съ высокимъ балдахномъ надъ нею, стояла вдоль стѣны. Онъ подбѣжалъ къ кровати, упалъ на колѣни, судорожно схватилъ безпомощно свѣсившуюся, почти уже холодную, маленькую руку, хотѣлъ что-то сказать, протянулъ губы для поцѣлуя, но тутъ же, какъ бы въ чемъ-то убѣдившись безповоротно, оставилъ руку, вскрикнулъ и грохнулся на полъ. Его унесли. Повидимому не прекращавшаяся суэта въ домѣ усилилась, начались новыя хлопоты новаго характера. Прежняя сдержанность, въ которой видны были осторожность или опасеніе, смѣнилась иной сдержанностью, въ которой болѣе сквозила почтительность. Скоро пріѣхалъ священникъ съ дарами, но это было уже поздно. Ему пришлось прочитать отходную. Потомъ были похороны. Въ залѣ, на большомъ длинномъ столѣ, за которымъ нѣкогда весело проводили время десятки гостей, теперь лежало прикрытое парчей маленькое существо, съ худымъ, высохшимъ лицомъ, на которомъ всѣ черты какъ-то неестественно обострились и выражали навѣки застывшую муку. У изголовья широкимъ длиннымъ пламенемъ горѣли толстыя восковыя свѣчи. Въ комнатахъ, съ завѣшанными зеркалами и картинами, пахло ладаномъ.

Въ кабинетѣ, дверь изъ котораго въ залъ была плотно прикрыта, на длинномъ диванѣ лежалъ Дмитрій Андреевичъ въ бреду. И тотъ же самый докторъ Степанъ Ѳедоровичъ возился съ нимъ, а высокая сухошавая женщина, разрывалась на части,

ежеминутно переходя изъ кабинета въ залъ, изъ залы во дворъ, въ кухню, дѣлая распоряженія, страдая за всѣхъ и сохраняя на лицѣ выраженіе мужества, почти геройства. Дмитрій Андреевичъ, съ той самой минуты, когда онъ упалъ безъ чувствъ, не приходилъ въ сознаніе. Судя по тѣмъ отрывочнымъ фразамъ, которыя онъ произносилъ, ему мерещились какіе-то лѣса, сказочные замки и дворцы и, по всей вѣроятности, онъ испытывалъ счастье и ничего не зналъ о томъ, чтò дѣлается въ сосѣдней комнатѣ.

Но несмотря на то, что въ этихъ двухъ комнатахъ совершались такія важныя событія, центромъ всѣхъ хлопотъ въ домѣ была комната съ синими занавѣсками на окнахъ, съ угольникомъ и широкой кроватью съ балдахиномъ. Дверь, которая вела изъ нея въ залу, была не только прикрыта, а заперта на ключъ. Извнутри надъ нею была повѣшена плотная драпировка изъ шерстяной матеріи такъ что ни одинъ звукъ изъ сосѣдней комнаты сюда не долеталъ. За то синія шторы были подняты и въ комнатѣ было много свѣта. Послѣ страшнаго ливня, сопровождавшагося бурей, небо очистилось и яркое солнце обильно разливало лучи свои по землѣ. Оно весело свѣтлыми полосами играло на стѣнахъ и забиралось подъ балдахинъ кровати, освѣщая нѣчто лежавшее на ней, погруженное въ подушки и завернутое въ вязанное бѣлое одѣяло, съ розовыми краями. У кровати, на стулѣ, сидѣла молодая женщина, мысли которой, повидимому, вращались гораздо больше на томъ, чтò происходило въ залѣ. По виду это была простая крестьянка или, можетъ быть, она принадлежала къ сословію мѣщанъ, жившихъ въ поселкѣ. Когда вязанное одѣяльце начинало шевелиться и изъ него раздавался слабый дѣтскій крикъ, она брала его на руки и, приложивъ ребенка къ груди, кормила его. У ребенка лицо еще было красно и не приняло какихъ-либо характерныхъ очертаній, это было просто на просто лицо новорожденнаго. Очень часто сюда забѣгала худощавая женщина и наскоро освѣдомлялась, здоровъ ли мальчикъ и не нужно ли чего. Раза два приходилъ сюда докторъ и, осмотрѣвъ ребенка, всякій разъ оставался при прежнемъ мнѣніи, что онъ совершенно здоровъ.

Такимъ образомъ, въ трехъ комнатахъ помѣщичьяго дома жизнь представлялась въ трехъ стадіяхъ. Тамъ, въ большой залѣ, съ горящими восковыми свѣчами, съ густымъ запахомъ ладана, она добровольно уступила мѣсто смерти. Рядомъ, въ кабинетѣ, съ окнами, выходившимъ въ веселый садъ, она боролась со смертью и боролась повидимому безуспѣшно, хотя союзникомъ ея былъ опыт-

ный врачъ Степанъ Ѳеодоровичъ. Здѣсь, въ свѣтлой комнатѣ, съ играющими лучами солнца на стѣнахъ, она, въ лицѣ маленькаго существа, завернутаго въ одѣяло и погруженнаго въ подушки, царствовала, ни на минуту не сомнѣваясь въ своихъ правахъ.

Такимъ образомъ вотъ обстоятельства, при которыхъ началась жизнь героя. Безъ сомнѣнія, какъ это уже и сказано, герой не былъ очевидцемъ всего этого. Но достовѣрный источникъ, изъ котораго онъ узналъ это, былъ тутъ на лицо; онъ-то именно и держалъ въ рукахъ нить всѣхъ событій, переходя изъ комнаты въ комнату и съ одинаковымъ сочувствіемъ относясь къ умершей, умиравшему и къ начинавшему жить. Это была высокая женщина съ худощавымъ лицомъ, — первое человѣческое лицо, которое герой увидѣлъ сознательно, а по своей важной роли самое главное лицо въ его жизни. Во всякой многочисленной семьѣ, состоящей изъ разнородныхъ характеровъ, есть непременно одно такое лицо, на которомъ отражаются радости и несчастія всѣхъ остальныхъ. Само оно рѣдко бываетъ счастливо, потому что у него для этого не остается времени. Высокая женщина съ худощавымъ лицомъ — родная сестра Дмитрія Андреевича. Звали ее Марьей Андреевной.

Въ тотъ моментъ, когда герой впервые сознательно увидѣлъ ея лицо, вокругъ него не было уже ничего, что напоминало бы большой каменный домъ въ поселкѣ и заштатный городъ, высившійся на холмѣ. Все это куда-то исчезло и повидимому безъ слѣда, и все теперь было иное. Было всего двѣ маленькихъ комнатки, которыя, впрочемъ, ему казались очень большими. Въ комнаткахъ стояла мебель, только необходимая для того, чтобъ можно было ѣсть, спать и работать. Низкіе потолки, небольшія окна, пропускавшія мало свѣта, чистота во всемъ и много тепла. Подъ окнами миниатюрный палисадникъ съ тремя акаціями и парой розовыхъ кустовъ. На разложенномъ ломберномъ столѣ куча выкроекъ, куски холста, коленкора и цвѣтныхъ матерій; на маленькомъ кругломъ столикѣ ручная швейная машина; на стѣнѣ, надъ столомъ, нѣсколько фотографій въ простыхъ рамкахъ; между ними одна, болѣе всего привлекавшая потомъ вниманіе героя. На ней изображены двое: худощавый мужчина, съ суровымъ взглядомъ изъ-подъ бровей, молодой, съ небольшими усиками, безъ бороды, и рядомъ съ нимъ, рука объ руку, очень молодая женщина, съ лицомъ почти дѣтскимъ, наивнымъ и некрасивымъ. Она вся въ бѣломъ, широкое раздутое платье съ кринолиномъ давнихъ временъ почти сливается со свѣтымъ фономъ карточки. — „Это твой несчастный отецъ, а это твоя бѣдная мать“ — часто говоритъ ему тетюшка Марья Андреевна.

Она любитъ говорить это, любитъ возвращаться къ этой темѣ и изъ всѣхъ немногихъ словъ, которыя ему уже извѣстны, тверже всего онъ знаетъ эти четыре слова: „несчастный отецъ и бѣдная мать“. Онъ даже думаетъ, что всѣ отцы несчастны, и всѣ матери бѣдны, и что это такъ и должно быть. Тетушка пока воздерживается отъ объясненій и у него еще нѣтъ никакого представленія о поселкѣ и заштатномъ городѣ. Ихъ двое, въ двухъ комнатахъ, и міръ въ его представленіи дѣлится на двѣ рѣзко отмѣченные грани: эти двѣ комнаты съ нимъ и тетушкой, и все остальное. Это остальное крайне неопредѣленно. Ближе всего большой городъ съ широкими мощенными улицами, съ газовыми фонарями, съ высокими домами, съ колокольнями церквей. Все это онъ видѣлъ каждый день, когда тетушка выводила его гулять. Потомъ окрестная степь, которую онъ видѣлъ иногда, когда случалось заходить на край города; еще рѣка, широкая, быстрая, съ крутымъ каменистымъ берегомъ, усѣянная лодками, пароходами, судами и плотами; и наконецъ далекое небо, свѣтло-голубое, куда онъ любилъ по-долгу смотрѣть, поднимая голову и устремивъ взоры вдаль. Къ ихъ домашнему міру иногда присоединялось третье лицо. Ему неизвестно, откуда являлась эта женщина, которую называли Марёнькой. Она оставалась съ нимъ, когда погода бывала дурна, а тетушкѣ надо было отнести работу или получить новую. У Марёньки было толстое, красное, добродушное лицо, она умѣла рассказывать сказки, и за это онъ питалъ къ ней слабость.

Тетушка постоянно сидѣла у круглаго столика, правой рукой вертѣла ручку машинки, а лѣвой управляла шитьемъ. Онъ до того привыкъ видѣть ее въ этомъ положеніи, что и потомъ во всю жпзнь, когда она была далеко отъ него, не могъ представить себѣ ее иначе, какъ сидящей за машинкой и шьющей.

Нельзя сказать, чтобы въ двухъ маленькихъ комнаткахъ было очень весело. Тетушка была слишкомъ погружена въ свое дѣло, а мальчикъ умѣлъ просиживать по нѣскольку часовъ къ ряду на диванѣ или у окна. „Экій ты вялый,—съ сожалѣніемъ говаривала тетушка, — и какой-то туповатый. Въ кого ты? Кажись, никого такого и не было; отецъ твой былъ живой, натура у него была кипучая... даже слишкомъ“ — съ тихой грустью прибавляла она: „мать—веселая щебетунья... ахъ, бѣдняжка“. Вообще тетушка всѣ свои рѣчи пересыпала тихими вздохами. Но это въ самомъ дѣлѣ огорчало ее, что мальчикъ вышелъ такой неподвижный, вялый и мало впечатлительный. У него былъ такой видъ, словно до него ничто не касается, словно впечатлѣнія скользятъ по его душѣ не

оставляя никакого слѣда. Большіе темные глаза, казалось, ничего не выражали, да и некрасивъ онъ былъ съ своей крупной головой, съ грубыми, рѣзкими чертами лица, съ приподнятыми плечами. „Но это ничего—думала тетушка,—выходится. Да притомъ для мужчины и не нужна красота. Вотъ ума въ немъ не видно—это жаль“. Тѣмъ не менѣе это не мѣшало ей смотрѣть на мальчика влюбленными глазами. Казалось, вся ея жизнь, со всѣми воспоминаніями, со всѣми муками прошлого, ушла въ это маленькое некрасивое существо. Она посвятила ему себя всю, со всѣми своими силами. И тихая жизнь шла въ двухъ маленькѣйшихъ комнаткахъ, на краю большого города, гдѣ не было шума и высокихъ домовъ.

III.

Время шло и въ двухъ маленькѣйшихъ комнаткахъ ничто не измѣнилось. По-прежнему стучала машинка, по-прежнему тетушка сидѣла надъ нею, согнувши спину и сосредоточенно слѣдя глазами за строчкой на шитьѣ. По-прежнему въ немъ было тихо, тепло и уютно. По-прежнему Марейка навѣщала ихъ и рассказывала сказки, а мальчикъ по-прежнему просиживалъ по нѣскольку часовъ на одномъ мѣстѣ молча, тетушка же все больше убѣждалась, что онъ туповатъ и глуповатъ.

А большая голова мальчика была престранно устроена. Есть головы, въ особенности это бываетъ у дѣтей, не умѣющія удержать въ себѣ ни одной мысли, ни одного впечатлѣнія. Оттого дѣти постоянно болтаютъ и докладываютъ намъ о малѣйшемъ движеніи въ ихъ мозгу. Это въ порядкѣ вещей. Но у нашего героя голова была устроена совсѣмъ особеннымъ образомъ. Въ то время, какъ тетушка, глядя на него, съ сожалѣніемъ покачивала головою и мысленно говорила: „экій жалостный мальчикъ, недалеко онъ поидетъ, не знаю, что съ нимъ и будетъ. Пока жива, еще ничего, могу на него работать. Со мной не пропадетъ; а какъ умру—что съ нимъ станется?“—въ это самое время, когда тетушка такъ думала, онъ смотрѣлъ на нее и въ свою очередь въ его голову приходили разныя мысли: „Зачѣмъ она вѣчно сидитъ надъ машинкой? Кто носитъ всѣ эти рубашки и кофточки? Почему у тетушки спина идетъ полукругомъ?“ Тутъ взоръ его переносился на окно и онъ

спрашивалъ себя: „Кто посадилъ эти три акаціи? Кто велѣлъ имъ расти? Почему онѣ зеленѣютъ и цвѣтутъ? Отчего небо такого нѣжнаго голубого цвѣта? Откуда вонъ та розовая полоска? Зачѣмъ одиноко бредетъ по небу это сѣрое облачко?“ И снова взглядъ его какъ бы искалъ новыхъ предметовъ, останавливался на висѣвшихъ на стѣнѣ портретахъ и въ головѣ его шевелилась мысль: „Куда же они дѣвались—несчастный отецъ и бѣдная мать? И почему она вся въ бѣломъ? Были они въ самомъ дѣлѣ или это только сказка? Чтò такое отецъ, чтò такое мать и отчего у Марейники такое толстое и красное лицо, а у тетюшки такое сухое и блѣдное?“

Тысячи вопросовъ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ странныхъ, шевелились въ его головѣ, зарождааясь какъ бы лишь для того, чтобъ сейчасъ умереть. Ни на одинъ изъ нихъ онъ не получалъ отвѣта, и это его нисколько не беспокоило. Такъ странно была устроена его голова. Казалось, у этого мальчика не было ни нервовъ, ни темперамента; на все онъ смотрѣлъ спокойно, равнодушно, долгимъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, который будто останавливался на томъ или другомъ предметѣ лишь потому, что ему некуда было дѣваться. Чтобы предъ нимъ ни случилось, о чемъ бы ни заговорили, онъ молча устанавливалъ на одномъ предметѣ свой взглядъ и, казалось, ничѣмъ не тревожился. „Да, да, онъ таки глуповатъ! Рѣшительно глуповатый мальчикъ. И въ кого только онъ удался!“—думала тетюшка.

Такъ проходили мѣсяцы. Мальчику пошелъ седьмой годъ, но тетюшкѣ даже въ голову не пришло, что его надо чему-нибудь учить. Гдѣ ему? Ничего не восприметъ и не пойметъ. Но однажды произошло событіе, которое перевернуло вверхъ дномъ все міросозерпаніе тетюшки. Дѣло шло къ осени. День съ утра былъ ясный, солнечный, погода не обѣщала ничего дурнаго. Тетюшка отобѣдала вмѣстѣ съ мальчикомъ, и такъ какъ онъ былъ достаточно уже великъ, то она рѣшилась—и это ужъ было не въ первый разъ—оставить его дома одного, безъ Марейники. Мальчикъ долго оставался въ креслѣ въ той самой позѣ, въ какой оставила его тетюшка.

Онъ глядѣлъ въ окна, любясь голубымъ небомъ, на которомъ тамъ и здѣсь мелькали обрывки тучъ. Это его занимало. Облака неслись съ юга на сѣверъ, быстро догоняя другъ друга, голубой цвѣтъ неба часто исчезалъ подъ ними, то вновь появлялся, но появленія эти были все рѣже и рѣже. И мало-по-малу тучи заволокли все небо. Потомъ ихъ сѣдина какъ бы покрылась пылью,